

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 20. «Я здесь спросила – мне не здесь
ответят...»

Выпуск № 161

Николай Языков

Ночь

Померкла неба синева,
Безмолвны рощи и поляны;
Там, под горой, едва-едва
Бежит, журчит ручей стеклянный.
Царица сна и темноты,
Царица дивных сновидений!
Как сладостно ласкаешь ты
Уединенные мечты
И негу вольных вдохновений!
Он отдыхает, грешный свет:
Главу страдальца утомило
Однообразие сует,
Страстей и чувственности милой.
О ночь! пошли ему покой,
Даруй виденья золотые,
Да, улелеянный тобой,
Забудет он и шум дневной,
И страхи, и надежды злые.
Но ты лампы не туши,
Не водворяй успокоенья
Там, где поэт своей души
Свершает стройные творенья;
Пускай торжественный восход
Великолепного светила
Его бессонного найдёт,
И снова дум его полёт
Подымет Божеская сила!

Фёдор Тютчев

Видение

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес.

Тогда густеет ночь, как хаос на водах;
Беспамятство, как Атлас, давит сушу;
Лишь Музы девственную душу
В пророческих тревожат боги снах!

1829

Иван Бунин

Взойди, о Ночь, на горний свой престол,
Стань в бездне бездн, от блеска звёзд туманной,
Мир тишины исполни перевозданной
И сонных вод смири немой глагол.

В отверстый храм земли, небес, морей
Вновь прихожу с мольбою и тоскою:
Коснись, о Ночь, целящею рукою,
Коснись чела, как Божий иерей.

Дала судьба мне слишком щедрый дар,
Виденья дня безмерно ярки были:
Росистый хлад твоей епитрахили
Да утолит души мятежный жар.

1915

Выпуск № 497

Иннокентий Анненский

В открытые окна

Бывает час в преддверьи сна,
Когда беседа умолкает,
Нас тянет сердца глубина,
А голос собственный пугает,

И в нарастающей тени
Через отворенные окна,
Как жерла, светятся одни,
Свиваясь, рыжие волокна.

Не Скуки ль там Циклоп залёг,
От золотого зноя хмелен,
Что, розовея, уголёк
В закрытый глаз его нацелен?

Марина Цветаева

На заре – наимедленнейшая кровь,
На заре – наивственнейшая тишь.
Дух от плоти косной берёт развод,
Птица клетке костной даёт развод.

Око зрит – невидимейшую даль,
Сердце зрит – невидимейшую связь.
Ухо пьёт – неслыханнейшую молвь.
Над разбитым Игорем плачет Див...

1922

Выпуск № 865

Марина Цветаева

из цикла «Бессонница»

После бессонной ночи слабеет тело,
Милым становится и не своим, – ничьим.
В медленных жилах ещё занывают стрелы –
И улыбаешься людям, как серафим.

После бессонной ночи слабеют руки
И глубоко равнодушен и враг и друг.
Целая радуга – в каждом случайном звуке,
И на морозе Флоренцией пахнет вдруг.

Нежно светлеют губы, и тень золоче
Возле запавших глаз. Это ночь зажгла
Этот светлейший лик, – и от тёмной ночи
Только одно темнеет у нас – глаза.

1916

Лариса Патракова

Я исчерпала собственные сны:
Нагруженные тайнами корветы
Уплыли в явь и тишину рассветов,
И реки подсознания чисты.
Я исчерпала знание о том,
Чего на самом деле нет в помине:
Всё, что я знала – было только имя –
Холодный воздух, обожжённый ртом.
Я погасила памяти пожар,
Обманутая опытом столетий...
Я здесь спросила – мне не здесь ответят...
И внятен стал мне жизни тёмный дар.

Выпуск № 577

Даниил Андреев

из цикла «Лесная кровь»

Я помню крошечную ночь: по сознанию
Как чёрный уютг провела тишина,
Разгладив последние воспоминанья, –
Все швы и рубцы неподвижного сна.

Казалось, уже ни дыханья, ни пульса...
Замкнулась душа седмиричным ключом...
Откуда ж на дне этот зов шевельнулся?
Кровь в стиснутых жилах рванулась – о чём?

Не солнце, не птицы, не люди, не страны –
Одно лишь, одно я поймал на лету:
Заржавленный скрип корабельного крана,
Лязг якорной цепи в далёком порту.

Сверкнул горизонт, и запели сирены,
Раскрыв перед сердцем другие края...
И вновь – в непробудные воды без пены,
Как в воды беспмятства, кануло «я».

Марина Цветаева

Ночь

Час обнажающихся верховий,
Час, когда в души глядишь – как в очи.
Это – разверстые шлюзы крови!
Это – разверстые шлюзы ночи!

Хлынула кровь, наподобье ночи
Хлынула кровь, – наподобье крови
Хлынула ночь! (Слуховых верховий
Час: когда в уши нам мир – как в очи!)

Зримости сдёрнутая завеса!
Времени явственное затишье!

Час, когда ухо разъяв, как веко,
Больше не весим, не дышим: слышим.

Мир обернулся сплошной ушною
Раковиною: сосущей звуки
Раковиною, – сплошной душою!..
(Час, когда в души идёшь – как в руки!)

1923

Выпуск № 208

Андрей Белый

Воспоминание

Мы – ослеплённые, пока в душе не вскроем
Иных миров знакомое зерно.
В моей груди отражено оно.
И вот – заглохло знакомым, грозным зноем.

И вспыхнула, и осветилась мгла.
Всё вспомнилось – не поднялось вопроса:
В какие-то кипящие колёса
Душа моя, расплавясь, протекла.

1914

Александр Блок

То отголосок юных дней
В душе проснулся, замирая,
И в блеске утренних лучей,
Казалось, ночь была немая.

То сон предутренний сошёл,
И дух, на грани пробужденья,
Воспрянул, вскрикнул и обрёл
Давно мелькнувшее виденье.

То был безжалостный порыв
Бессмертных мыслей вне сомнений.

И он умчался, пробудив
Толпы забытых откровений.

То бесконечность пронесла
Над падшим духом ураганы.
То Вечно-Юная прошла
В неозарённые туманы.

1900

Выпуск № 321

Зинаида Миркина

Есть тишина, которая роднит
Меня и звёзды, небеса и птицу.
Есть тишина, в которой Бог сокрыт.
Есть тишина, в которой жизнь творится.
Она лишь сердцу чуткому слышна.
Её порой страшится наше ухо.
Великая живая тишина –
Простор для созидающего Духа.
Она пересечёт часы и дни
И углубит до Вечности мгновенье.
Войди в неё. Войди и утони.
И лишь тогда наступит Воскресенье.

Даниил Андреев

Ночь снизошла, всю ложь опровергая.
Забылся день, подобный чертежу...
К твоим вратам, Обитель всеблагая,
Очами внутренними подхожу.

Вот, стройный пик, как синий конус ночи,
Как пирамида, над хребтами встал:
Он был, он есть живое средоточье,
Небесных воль блистающий кристалл.

Он плыл, звуча, ковчегу Сил подобный,
Над гребнями благоговейных гор,

И там, на нём, из синевы загробной,
Звенел и звал невоплотимый хор:

Тот клир святых, чьи отзвуки благие
Я ждал, искал, как полустёртый след,
В стихах поэтов, в ритмах литургии,
В преданиях первонародных лет...

Выпуск № 454

Владимир Набоков

Сновиденье

Будильнику на утро задаю
урок, и в сумрак отпускаю,
как шар воздушный, комнату мою,
и облегчённо в сон вступаю.

Меня берёт – уже во сне самом –
как бы вторичная дремота.
Туманный стол. Сидящих за столом
не вижу. Все мы ждём кого-то.

Фонарь карманный кто-то из гостей
на дверь, как пистолет, наводит.
И, ростом выше и лицом светлей,
убитый друг со смехом входит.

Я говорю без удивленья с ним,
живым, и знаю, нет обмана.
Со лба его сошла, как лёгкий грим,
смертельная когда-то рана.

Мы говорим. Мне весело. Но вдруг –
заминка, странное стесненье.
Меня отводит в сторону мой друг
и что-то шепчет в объясненье.

Но я не слышу. Длительный звонок
на представленье созывает:
будильник повторяет свой урок,
и день мне веки прерывает.

Лишь миг один неправильный на вид
мир падает, как кошка, сразу
на все четыре лапы, и стоит,
знакомый разуму и глазу.

Но, Боже мой, – когда припомнишь сон,
случайно, днём, в чужой гостиной,
или, сверкнув, придёт на память он
пред оружейною витриной,

как благодарен силам неземным,
что могут мёртвые нам сниться.
Как этим сном, событием ночным,
душа смятенная гордится!

1927

Лариса Патракова

Мгновенье на пороге дня,
Когда нить сна тонка на ощупь,
Когда рассвет, дома обняв,
Лучами согревает площадь,
И чьё-то горькое окно
Погасит свет, задвинет шторы...
Афишу старого кино
Уныло ветер рвёт с забора,
И тумб белеющих бока
Стыдливо опустили взоры,
И матадор пронзил быка
Под бешеный восторг синьоров,
И в этот, самый сонный миг,
Умрёт в Париже жалкий нищий –
Лишённый разума старик...
Карманы ветер зло обыщет.
Всё в этот миг объять дано:
Ты – часть всеобщих пробуждений,
Твоё в ночи горит окно,
Ты рухнул с рёвом на арене,
Старик тебе был младший брат
И на афишах твоё имя...
Ты ветер, ты поток оград –

Ничто тебя во сне не минет.
Сны – призраки тех кораблей,
Что спят на дне после крушений,
Сны – вспышки солнц и озарений,
Повадки вымерших зверей,
Сны – наша явь в другой дали,
Мгновенье вечности всеильной,
И с первым проблеском зари
Мы смотрим в мир с таким усиьем.

Выпуск № 640

Николай Гумилёв

Неизвестность

Замирает дыханье, и ярче становятся взоры
Перед сладко волнующим ликом твоим, Неизвестность.
Как у путника, дерзко вступившего в дикие горы
И смущённого видеть ещё неоткрытую местность.
В каждой травке намёк на возможность несбыточной встречи,
Этот грот – обиталище феи всегда легкокрылой,
Миг... и выйдет, атласные руки положит на плечи
И совсем замирающим голосом вымолвит: «милый!»
У неё есть хранитель, волшебник ревнивый и страшный,
Он отмстит, он, как сетью, опутает душу печалью.
...И поверить нельзя, что и здесь, как повсюду, всегдашний,
Бродит школьный учитель, томя прописною моралью.

1911

Владимир Набоков

Око

К одному исполинскому оку
без лица, без чела и без век,
без телесного марева сбоку
наконец-то сведён человек.

И на землю без ужаса глянув
(совершенно несхожую с той,
что, вся пегая от океанов,
улыбалась одною щекой),

он не горы там видит, не волны,
не какой-нибудь яркий залив
и не кинематограф безмолвный
облаков, виноградников, нив;

и, конечно, не угол столовой
и свинцовые лица родных –
ничего он не видит такого
в тишине обращений своих.

Дело в том, что исчезла граница
между вечностью и веществом –
и на что неземная зеница,
если вензеля нет ни на чём?

1939

Выпуск № 815

Владислав Ходасевич

Встаю расслабленный с постели.
Не с Богом бился я в ночи, –
Но тайно сквозь меня летели
Колючих радио лучи.

И мнится: где-то в теле живы,
Бегут по жилам до сих пор
Москвы бунтарские призывы
И бирж всесветный разговор.

Незаглушимо и сумбурно
Пересеклись в моей тиши
Ночные голоса Мельбурна
С ночными знаньями души.

И чьи-то имена, и цифры
Вонзаются в разъятый мозг,

Врываются в глухие шифры
Разряды океанских гроз.

Хожу – и в ужасе внимаю
Шум, не внимаемый никем.
Руками уши зажимаю –
Всё тот же звук! А между тем...

О, если бы вы знали сами,
Европы тёмные сыны,
Какими вы *ещё* лучами
Неощутимо пронзены!

1923

Константин Бальмонт

Подневольность

Когда я думаю, что рядом,
Вот здесь, кругом, передо мной
Безмерным преданы отрадам,
Ликуют духи, мир иной, –

В той комнате, где дни и ночи,
Как каторжник, забыв про сон,
Так бьюсь я, не смыкая очи,
Всё бьюсь, к работе присуждён, –

Когда я думаю, что годы,
С печальной бледностью лица,
В окно всё тот же лик Природы
Я буду видеть без конца, –

И сердцем, более не юным,
Я буду, догорая, тлеть,
Внимать метелям и бурунам,
Слабеть, сесть и холодеть, –

Вдруг сам себе тогда я страшен,
Я содрогаюсь, как в бреду,
Как будто я с высоких башен
Вот-вот на землю упаду.

А между тем так близко, рядом,
Но не слиянные со мной,
Безбрежным преданы уладам,
Сплетают духи мир иной.

Владимир Набоков

Мерцательные тикают пружинки,
и осыпаются календари.
Кружатся то стрекозы, то снежинки,
и от зари недолго до зари.

Но в тёмном переулке жизни милой,
как в городке на берегу морском,
есть некий гул; он дышит смутной силой,
он ширится; он с детства мне знаком.

И ночью перезвоном волн да кликом
струн, дальних струн, неисчислимых струн,
взволнован мрак, и в трепете великом
встаю на зов, доверчив, светел, юн...

Как чувствуешь чужой души участие,
я чувствую, что ночи звёзд полны,
а жизнь летит, горит, и гаснет счастье,
и от весны недолго до весны.

1920

Выпуск № 670

Зинаида Миркина

Когда я остаюсь одна,
Разгорается тишина.
Когда сходит вся жизни на нет,
Разгорается тайный свет.

И горит, и горит, пока
Не смешаются все века,

Не сольётся с душой моей
Широта всех земных морей,

Высота и простор небес,
Где последний предел исчез, —
И напьётся душа моя
Беспредельности бытия.

Александр Блок

Ты, отчаянье жизни моей,
Без цветов предо мной и без слёз!
В полусумраке дней и ночей
Безответный и страшный вопрос!

Ты, тревога рассветных минут,
Непонятный, торжественный гул,
Где невнятные звуки растут,
Где Незримый Хранитель вздохнул!

Вас лелея, зову я теперь:
Укажите мне, скоро ль рассвет?
Вот уж дрогнула тёмная дверь,
Набежал исчезающий свет.

1902

Осип Мандельштам

Ветер нам утешенье принёс,
И в лазури почуяли мы
Ассирийские крылья стрекоз,
Переборы коленчатой тьмы.

И военной грозой потемнел
Нижний слой помрачённых небес,
Шестируких летающих тел
Слюдяной перепончатый лес.

Есть в лазури слепой уголок,
И в блаженные полдни всегда,

Как сгустившейся ночи намёк,
Роковая трепещет звезда.

И, с трудом пробиваясь вперёд,
В чешуе искалеченных крыл
Под высокую руку берёт
Побеждённую твердь Азраил.

1922

Выпуск № 1209

Лариса Патракова

День был, как вечер – серый. Улиц ряд
Был укорочен. Правда, номер дома
Последнего существовал – я знаю...
Я шла туда, пути не разбирая,
Поток чугунных, крашенных оград
Струился слева гаммою знакомой,
А справа в небо уходил собор –
Век скоро минет, как он заколочен...
Всё было так, как прежде – шла домой
И все мои заботы шли за мной:
Ворчливый их, докучный разговор
Цеплялся за деревья у обочин.

Лишь полдень миновал, но вершина дня
Скорее походила на рассказы,
В которых нет героев и сюжет
Отсутствует, и воздуха в них нет,
И все слова, как дальняя родня,
Стекаются в единственную фразу
О том, что жизнь прожить... О, Боже мой,
Всё было тускло, ненадёжно, серо:
Сгущалась серым дымом даль пути –
Казалось мне, что ещё век идти,
И улица лежала, как больной.
Закинув руки за ограду сквера.

Вдруг появились тени и огни –
Я искала взглядом дом – напрасно:

Мир всё сужался, как бредовый сон –
Метнулись тени с четырёх сторон
И чей-то голос, сильный, как магнит,
Позвал меня отчаянно и властно.

Он призывал с невыносимой тоской,
С надеждою, смятением и тревогой...
«Чего хотите?» – крикнула туда,
Откуда мне мерещилась беда,
И страх, как переулочек воровской,
Загородил привычную дорогу.
Шёл серый день, но будто бы не здесь,
Как псы, машины вдалеке ворчали,
А я стояла и ждала беды
И сердце опускалось, как во льды,
Но мир послал спасительную весть:
Мальчишки, гол забив, «ура» кричали.

Я оглянулась: мир был узнаваем
И дом спешил навстречу ярким светом...
Рассеялся мой страх, как наваждение:
Я даже испытала сожаленье,
Что окрик мой не получил ответа –
Кто звал так властно – и сейчас не знаю.

Владислав Ходасевич

Эпизод

...Это было

В одно из утр, унылых, зимних, вьюжных, –
В одно из утр пятнадцатого года.
Изнемогая в той истоме тусклой,
Которая тогда меня томила,
Я в комнате своей сидел один. Во мне,
От плеч и головы, к рукам, к ногам,
Какое-то неясное струенье
Бежало трепетно и непрерывно –
И, выбежав из пальцев, длилось дальше,
Уж вне меня. Я сознавал, что нужно
Остановить его, сдержать в себе, – но воля
Меня покинула... Бессмысленно смотрел я

На полку книг, на желтые обои,
На маску Пушкина, закрывшую глаза.
Всё цепенело в рыжем свете утра.
За окнами кричали дети. Гроыхали
Салазки на горе, но эти звуки
Неслись во мне как будто бы сквозь толщу
Глубоких вод...
В пучину погружаясь, водолаз
Так слышит беготню на палубе и крики
Матросов.
И вдруг – как бы толчок, – но мягкий, осторожный, –
И всё опять мне прояснилось, только
В перемещённом виде. Так бывает,
Когда веслом мы сталкиваем лодку
С песка прибрежного; ещё нога
Под крепким днищем ясно слышит землю,
И близким кажется зелёный берег
И кучи дров на нём; но вот качнуло нас –
И берег отступает; стала меньше
Та рошица, где мы сейчас бродили;
За рошей встал дымок; а вот – поверх деревьев
Уже видна поляна, и на ней
Краснеет баня.

Самого себя

Увидел я в тот миг, как этот берег;
Увидел вдруг со стороны, как если б
Смотреть немного сверху, слева. Я сидел,
Закинув ногу на ногу, глубоко
Уйдя в диван, с потухшей папирсой
Меж пальцами, совсем худой и бледный.
Глаза открыты были, но какое
В них было выраженье – я не видел.
Того меня, который предо мною
Сидел, – не ощущал я вовсе. Но другому,
Смотревшему как бы бесплотным взором,
Так было хорошо, легко, спокойно.
И человек, сидящий на диване,
Казался мне простым, давнишним другом,
Измученным годами путешествий.
Как будто бы ко мне зашёл он в гости,
И, замолчав среди беседы мирной,
Вдруг откачнулся, и вздохнул, и умер.
Лицо разгладилось, и горькая улыбка
С него сошла.
Так видел я себя недолго: вероятно,

И четверти положенного круга
Секундная не обежала стрелка.
И как пред тем не по своей я воле
Покинул эту оболочку – так же
В неё и возвратился вновь. Но только
Свершилось это тягостно, с усилием,
Которое мне вспомнить неприятно.
Мне было трудно, тесно, как змее,
Которую заставили бы снова
Вместиться в сброшенную кожу...

Снова

Увидел я перед собою книги,
Услышал голоса. Мне было трудно
Вновь ощущать всё тело, руки, ноги...
Так, вёсла бросив и сойдя на берег,
Мы чувствуем себя вдруг тяжелее.
Струилось вновь во мне изнеможенье,
Как бы от долгой гребли, – а в ушах
Гудел неясный шум, как пленный отзвук
Озёрного или морского ветра.

1918

Выпуск № 293

Фёдор Тютчев

Сны

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь – и звучными волнами
Стихия бьёт о берег свой.

То глас её; он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил чёлн;
Прилив растёт и быстро нас уносит
В неизмеримость тёмных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывём, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

1830

Максимилиан Волошин

Сон

Лишь только мир
Скрывается багровой завесой век,
Как время,
Против которого я выгребаю днём,
Уносит по теченью,
И, увлекаем плавной водовертью
В своём страстном и звёздном теле,
Я облаком виюсь и развиваюсь
В мерцающих пространствах,
Не озарённых солнцем,
Отданных во власть
Противовесам всех земных явлений, –
И чувствую, как над затылком
Распахиваются провалы,
И вижу себя клубком зверей,
Грызущих и ласкающихся.
Огромный, бархатистый и чёрный Змей
Плавает в озёрах Преисподней,
Где клубятся гады
И разбегаются во мраке пауки.
А в горних безднах сферы
Поют хрустальным звоном,
И созвездья
Гудят в Зверином Круге.
А после наступает
Беспамятство
И насыщенье:
Душе сосёт от млечной, звёздной влаги.
...Потом отлив ночного океана
Вновь твёрдый обнажает день:
Окно, кусок стены,
Свет кажется колонной,
Камни – сгущённой пустотой...
А в обликах вещей – намёки,
Утратившие смысл.
Реальности ещё двоятся
В зеркальной влаге сна.
Но быстро крепнут и ладятся,
И с беспощадной
Наглядностью

Вновь обступает жизнь
Слепым и тесным строем.
И начинается вседневный бег
По узким коридорам
Без окон, без дверей,
Где на стенах
Написаны лишь имена явлений
И где сквозняк событий
Сбивает с ног
И гулки под уверенной пятою
Полуприкрытые досками точных знаний
Колодцы и провалы
Безумия.

1919

Марина Цветаева

Сон

Врылась, забылась – и вот как с тысяче-
футовой лестницы без перил.
С хищностью следователя и сыщика
Все мои тайны – сон перерыл.

Сопки – казалось бы прочно замерли –
Не доверяйте смертям страстей!
Зорко – как следователь по камере
Сердца – расхаживает Морфей.

Вы! собирательное убожество!
Не обрывающиеся с крыш!
Знали бы, как на перинах лёжачи
Преображаешься и паришь!

Рухаешь! Как скорлупою треснувшей –
Жизнь с её грузом мужей и жен.
Зорко как лётчик над вражьей местностью
Спящею – над душою сон.

Тело, что все свои двери заперло –
Тщетно! – уж ядра поют вдоль жил.

С точностью сбирра и оператора
Все мои раны – сон перерыл!

Вскрыта! ни щёлки в райке, под куполом,
Где бы укрыться от вещей глаз
Собственных. Духовником подкупленным
Все мои тайны – сон перетряс!

1924

Выпуск № 968

Иван Бунин

Морфей

Прекрасен твой венок из огненного мака,
Мой Гость таинственный, жилец земного мрака.
Как бледен смуглый лик, как долог грустный взор,
Глядящий на меня и кротко и в упор,
Как страшен смертному безгласный час Морфея!

Но сказочно цветёт, во мраке пламенея,
Божественный венок, и к радостной стране
Уводит он меня, где всё доступно мне,
Где нет преград земных моим надеждам вешним,
Где снюсь я сам себе далёким и нездешним,
Где не дивит ничто – ни даже ласки той,
С кем Бог нас разделил могильною чертой.

1922

Афанасий Фет

Die Gleichmasigkeit des Laufes der
Zeit in allen Kopfen beweist mehr, als
irgend etwas, das wir Alle in denselben
Traum versenkt sind, ja das es Ein Wesen
ist, welches ihn traumt.

*Schopenhauer**

1

Измучен жизнью, коварством надежды,
Когда им в битве душой уступаю,
И днём и ночью смежаю я вежды
И как-то странно порой прозреваю.

Ещё темнее мрак жизни вседневной,
Как после яркой осенней зарницы,
И только в небе, как зов задушевный,
Сверкают звёзд золотые ресницы.

И так прозрачна огней бесконечность,
И так доступна вся бездна эфира,
Что прямо смотрю я из времени в вечность
И пламя твоё узнаю, солнце мира.

И неподвижно на огненных розах
Живой алтарь мирозданья курится,
В его дыму, как в творческих грёзах,
Вся сила дрожит и вся вечность снится.

И всё, что мчится по безднам эфира,
И каждый луч, плотской и бесплотный, –
Твой только отблеск, о солнце мира,
И только сон, только сон мимолётный.

И этих грёз в мировом дуновеньи
Как дым несусь я и таю неволью,
И в этом прозреньи, и в этом забвеньи
Легко мне жить и дышать мне не больно.

2

В тиши и мраке таинственной ночи
Я вижу блеск приветный и милый,
И в звёздном хоре знакомые очи
Горят в степи над забытой могилой.

Трава поблекла, пустыня угрюма,
И сон сиротлив одинокой гробницы,
И только в небе, как вечная дума,
Сверкают звёзд золотые ресницы.

И снится мне, что ты встала из гроба,
Такой же, какой ты с земли отлетела,
И снится, снится: мы молоды оба,
И ты взглянула, как прежде глядела.

1864

* Равномерность течения времени во всех головах доказывает более, чем что-либо другое, что мы все погружены в один и тот же сон; более того, что все видящие этот сон являются единым существом.
Шопенгауэр (нем.).